

Алексей Волков

КОМАНДОР

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
В67

Волков, А.

В67 Командор / А. Волков. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 518 с. — (Командор).

ISBN 978-5-521-90391-7

Люди, которые отправились в роскошный океанский круиз, могли купить все, о чем другие только мечтают. Жизнь казалась им воплощенным раем, и никто не ожидал встречи с ураганом, бушующим не только в пространстве, но и во времени.

Поврежденный лайнер приткнулся к острову, а вокруг лежало Карибское море, и более трех веков отделяло пассажиров и экипаж от родной эпохи.

Многим так и не довелось узнать об этом, потому что внезапно к острову подошла пиратская эскадра и джентльмены удачи с ходу атаковали плавучий дворец и беззащитных людей на берегу...

BIC FL
BISAC FIC009000

© Алексей Волков, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, 2021
ISBN 978-5-521-90391-7 © Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ.

ИЗ ДНЕВНИКА СЕРГЕЯ КАБАНОВА

Никогда не думал, что стану вести дневник. Впрочем, «никогда» — слово абсолютно несовместимое с быстротечной и в то же время насыщенной всевозможными событиями человеческой жизнью. Поэтому точнее будет: никогда с тех пор, как стал взрослеть. В детстве и собирался, и даже начинал писать. То ли в классе пятом, то ли в шестом — сейчас уже трудно вспомнить точно. Но был я тогда неоперившимся мальчишкой, и, подобно многим в моем поколении, мечтал непременно осчастливить человечество и стать Великим Человеком. В какой области, не столь и важно: писателем, ученым, конструктором, космонавтом... Это нынешние подрастающие оценивают жизненный успех исключительно деньгами и грезят о собственных фирмах и офисах со всеми прилагающимися радостями жизни. Мы были, пожалуй, намного чище и целомудреннее в своих мечтах.

Можно принять подобное заявление за обычное стариковское брюзжание, за извечное: «Ну и молодежь пошла!», но я далеко не старик, а еще достаточно молодой мужчина и не осуждаю нынешнее поколение, а просто констатирую факт. Гегель был прав насчет бытия, определяющего сознание. Слишком крутые выпали перемены, чтобы сохранилась

прежняя система ценностей. Вместо заслуг — подлинных или мнимых, — положение человека определяет сейчас исключительно толщина его кошелька. Естественно, и мечты молодых стали другими, более соответствующими времени.

Мы стали, наверное, последним поколением, хотя бы в отрочестве отдавшим дань прежним иллюзиям: патриотизму, долгу, стремлению к творчеству, но к концу юности кто незаметно, а кто с болью стали от них избавляться. Нынешним даже не пришлось узнать значения этих святых когда-то слов. Не знаю, к добру или к худу. Во всяком случае, им намного легче вписаться в новый мир, чем большинству моих сверстников.

Но я отвлекся. Бумаги не так-то и много — один блокнот в добротном кожаном переплете, к счастью, совершенно чистый, и надо использовать его рациональнее. Вот только стоит ли? «Дни наши сочтены не нами...» Как знать, успею ли я заполнить все его чистые страницы? Хотелось бы иметь в запасе целую вечность, да только кто ее даст? Будущее — сомнительно, настоящее — зыбко, и что плохого в том, чтобы хоть на мгновение окунуться в свое прошлое перед тем, как попробовать описать случившееся за последние дни?

О том, первом моем дневнике. Я уж и не помню, под чьим воздействием взялся за него тогда. Дети склонны к подражанию, это один из способов войти во взрослый мир, и какая разница, что объект моего подражания был, скорее всего, из прошлых веков? Дня три, а то и четыре я добросовестно переносил на бумагу чужие мысли и свои раздутые до вселенских размеров чувства, но вся эта забава надоела мне очень быстро. Какое-то время я еще по инерции продолжал вести кратчайшие записи, типа: «Четверг. Был в кино», а потом забросил и это. Великим кем-то я так и не стал, как позднее не стал и богатым. Дни мои после школы были заполнены служ-

бой, потом — отставка, поиск работы, опять служба. Ничего интересного, обычная жизнь. Как и у каждого, бывало в ней хорошее и плохое, свои удачи и огорчения. Ничего особенного я не достиг, но в то же время не считаю себя полным неудачником. А что расстался с женой... Нельзя ведь жить с женщиной, которая тебе изменила. Остаться с ней и делать вид, что ничего не случилось — как-то это не по-мужски. Тем более что детей у нас не было и никто при разводе не пострадал.

Короче, мне нечего особенно стыдиться, и не о чем жалеть. Другое дело, что, появившись возможность начать жизнь сначала, постарался бы прожить ее как-нибудь иначе. Вот только не знаю, как...

В случившемся с нами верующий увидел бы карающий перст Господень и наказание за совершенные грехи, моралист вспомнил бы парочку избитых сентенций, любитель острых ощущений порадовался бы лишней возможности пощекотать нервы, но я не собираюсь делать ни того, ни другого, ни третьего. Не знаю, обитает ли где-то на небесах седой старик, чей сын добровольно взошел на Голгофу. Слепо верить в это я не могу, а ведь любая религия — это именно вера, а не знание. Могу лишь сказать, что все происшедшее действительно больше похоже на чудо, чем на неизвестный науке каприз природы. Впрочем, это, наверное, одно и то же.

Не стану я и извлекать из случившегося мораль. Она хороша лишь в баснях, жизнь же все равно не укладывается ни в какие схемы. А что касается острых ощущений, то у меня и без того было их в избытке на территории некогда единой и великой страны. Добавлять к ним новые — удовольствие небольшое.

Да, чуть не забыл о еще одном возможном подходе. Настоящий историк с радостью продал бы дьяволу душу, лишь бы оказаться на нашем месте. Но продавать ее пришлось бы и в

прямом смысле, и он, если бы успел, наверняка проклял бы день и час, когда загадал такое идиотское желание.

Как бы там ни было, я один из немногих, кто ничего не потерял, а, возможно, еще и приобрел после всех этих событий, и не имею повода жаловаться и стенать. Само же случившееся настолько удивительно, что, обнаружив в числе немногих уцелевших своих вещей этот блокнот и шариковую ручку, я решил в меру своих способностей описать все, как было.

Для чего — сам не знаю. Рукописи, может быть, и не горят, но очень часто пропадают безвозвратно. Вряд ли мои записки когда-нибудь попадут к тому, кто сможет и захочет их прочесть.

А впрочем, чем черт не шутит?

Ладно, пора заканчивать эту лирику и переходить к делу. А уже написанное пусть станет вступлением — сумбурным, как и сама жизнь.

Часть первая
MORE

1. СЭР ДЖЕЙКОБ ФРЕЙН. БОРТ ФРЕГАТА «МОРСКОЙ ВЕПРЬ»

Сэр Джейкоб Фрейн пребывал в мрачном расположении духа и имел для этого все основания. До сих пор благоволившая к нему, Фортуна с чисто женской непоследовательностью и без всяких на то причин изменила свое отношение на прямо противоположное. Обставлено это тоже было по-женски хитро. Орудием ее кары стал свирепый ураган, разразившийся в тот момент, когда эскадра сэра Джейкоба успела уйти далеко от берега и не имела никаких шансов добраться до какой-либо закрытой от волн и ветров бухты. Сам сэр Джейкоб, без малого два десятка лет бороздивший моря и океаны, ни разу не видел такого жестокого шторма и без колебаний отдал бы треть своего состояния, лишь бы никогда и не видеть его. Счастье еще, что удалось отвести свой фрегат к какому-то весьма кстати подвернувшемуся островку и удержаться возле его подветренного берега, где первобытная ярость волн была хоть немного меньше.

И все равно корабль потрепало изрядно. Понадобилось все умение капитана, отчаянная смелость команды и добрая толика удачи, чтобы не сгинуть бесследно в пучине, как многие и многие до них.

И, разумеется, не подвел и сам корабль. Такого чудесного фрегата, устойчивого на волне и послушного рулю, у сэра

Джейкоба не было никогда. Даже повреждения были, в сущности, минимальны. В трюмах открылись небольшие течи, да были частично повреждены рангоут и такелаж. Лишь последнее изобретение человеческой мысли — навесной гальюн под бушпритом — оказался разнесенным вдребезги. Восстановить его во время плавания было невозможно и для отправления нужды пришлось вернуться к устоявшимся за века способам: или болтаться над бездной на узкой доске, или корячиться на фальшборте, нависая задом над водой.

Не слишком большая цена, когда многие насквозь просоленные морем моряки успели попрощаться с жизнью и пожалеть о том злосчастном дне, когда решили покинуть берег. В тот казавшийся бесконечным вечер и такую же бесконечную ночь многие уста вперемешку с привычными ругательствами шептали нескладные, но искренние молитвы и обещали что угодно тому, кто избавит их от ярости стихии.

Ныне же, когда море почти утихло, молитвы забылись, и лишь ругательства сыпались по-прежнему. Под их неумолкающий аккомпанемент матросы на ходу восстанавливали рангоут, меняли изодранные паруса, вычерпывали остатки воды из трюмов (течи законопатили первым делом) и разглядывали все еще хмурое, без единого просвета небо и пустынный до безобразия горизонт.

«Морской вепрь» стойко перенес бурю и спас почти всех доверившихся ему людей. Трех так и не досчитались. Скорее всего, их смыло волной во время ночной катавасии, да еще один сорвался с реи на палубу и теперь доживал свои последние часы в носовом кубрике.

Но, разумеется, не эти четверо горемык были причиной недовольства сэра Джейкоба. Матросом больше, матросом меньше — какая разница? Чего-чего, а людей найти не проблема. Немало их ошивается по портовым кабакам, пропивая